

УДК 159.9.016.5

В. Н. Сергеев

*Университет гражданской защиты
МЧС Беларуси
ул. Машиностроителей, 25, Минск, 220118, Республика Беларусь*

v.n.sergeev@gmail.com

КОНЦЕПТ «ПОВЕДЕНИЕ» И ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИЯ В РАДИКАЛЬНО-БИХЕВИОРИСТСКОМ ПОДХОДЕ

Статья посвящена проблеме поведения, рассматриваемой в такой отрасли наук о поведении как радикальный бихевиоризм. Рассматриваются требования, предъявляемые к дефиниции (объективизм, функционализм), специфика исследования поведения в данном течении, модель его детерминации и другие вопросы. Описана формула оперантного поведения, проанализированы переменные. Особое внимание уделялось специфике взаимоотношений переменных и, в частности, понятию «контингенция». Сделан общий вывод о роли и месте радикально-бихевиористского подхода в современной психологической науке, его возможных перспективах.

Ключевые слова: радикальный бихевиоризм, поведение, оперант, контингенция, дискриминативный стимул, детерминация поведения.

Введение

В современной западной науке бихевиоральная психология причисляется к группе т.н. поведенческих наук (наук о поведении, behavior sciences). Их объединяет общая установка на приложение научных принципов к исследованию поведения организмов, что применимо «... к таким дисциплинам, как психология, антропология, социология, поведенческая зоология, и любой другой дисциплине, посвященной изучению поведения с научной точки зрения» (термин введен американским психологом Дж. Г. Миллером в 1949 году) [Colman, 2015].

Сергеев В. Н. Концепт «поведение» и его объективация в радикально-бихевиористском подходе // Reflexio. 2017. Т. 10, № 1. С. 210–237.

Бихевиоризм же, занимающий подчиненное положение в этой таксономии, традиционно определяется как научный подход, ограничивающий психологическое исследование наблюдаемым и (или) измеряемым поведением, а совокупность его прикладных течений (поведенческий анализ, экспериментальный анализ и т.п.) трактуется как «область психологии, сфокусированная на средовых детерминантах научения и поведения» [Gerrig, Zimbardo, 2002].

В современной бихевиористской литературе имеются определенные сложности с определением концептуальных рамок рассматриваемого поведенческого подхода. В частности, Маргарет Воган к сфере анализа поведения отнесла «область философии, исследований и прикладных разработок (research and application), которые включают экспериментальный анализ поведения, прикладной анализ поведения, оперантную психологию, оперантное обусловливание, бихевиоризм и скиннерианскую (Skinnerian) психологию» [Vaughan, 1989. С. 97]. Приведенный перечень позволяет судить о том, что автор видит некие различия между указанными дисциплинами, в то же время во многих иных классификациях (например, у Н. Смита [Смит, 2003], В. Лефевра [Лефевр, 2004] и др.) подобного деления нет ¹.

Тем не менее, можно предположить наличие определенной эпистемологической иерархии и преемственности в виде: «науки о поведении – бихевиоризм – (экспериментальный) анализ поведения (скиннерианская и постскиннерианская версии) – практико-ориентированные направления, в частности, т. н. прикладной анализ поведения (АВА) и др.». Подразумевается, что науки о поведении имеют единый концептуальный базис, однако уже на втором уровне («бихевиоризм»), проявляются довольно принципиальные расхождения между ортодоксальным, (в его западной, более современной версии – «методологическим»), радикальным бихевиоризмом (экспериментальный анализ поведения, функциональный анализ) и небихевиоризмом.

Отличительные черты радикально-бихевиористского подхода. Рассматриваемое в работе направление имеет ряд существенных признаков, формирующих его методологическую уникальность.

Во-первых, радикальный бихевиоризм дистанцируется от исследовательской позиции, «...именуемой “методологический бихевиоризм”, который можно рассматривать в качестве примера научной

¹ Предположим, что М. Воган проводит столь детальное различие потому, что она принадлежит к той части академического сообщества, которая разделяет позиции бихевиорального подхода и оценивает его «изнутри».

ортодоксии с точки зрения современной психологии» [Leigland, С. 26]. Последний часто определяют как «философский подход, согласно которому ненаблюдаемые феномены считаются не подлежащими научному исследованию» [Эрц, Жесткова]. Уточняя следует подчеркнуть, что речь идет о направлении, опирающемся на классические теории обусловливания, стремящемся к построению целостных теорий, использующих гипотетико-дедуктивную стратегию познания и ориентированных на корреспондентную теорию истины. В противовес этому, сторонники радикального бихевиоризма² ориентированы, скорее, на количественный, индуктивный прирост знания экспериментальным путем. Последнее выразилось в том, что, как подчеркнул Томас Лихи, «...они (радикальные бихевиористы – прим.авт.) не столько проверяли гипотезы, сколько... шаг за шагом распространяли экспериментальный анализ поведения на новые области» [Лихи, 2003.С. 304].

Во-вторых, радикальный бихевиоризм относится к категории т.н. «нементалистских версий бихевиоризма» [Федоров, 2010. С. 19]. Это подразумевает особое отношение к интрапсихическому. В этом смысле экспериментальный анализ поведения противопоставлен и методологическому бихевиоризму, исключавшему все ментальные состояния в качестве объекта, и необихевиоризму, оперирующему категорией «промежуточная переменная»³. Для экспериментального анализа поведения характерен иной путь – своего рода перевод необходимых «менталистских» терминов (потребность, мотив, мышление, знание и т.п.) на язык поведенческого анализа и интеграция в подход в удобном для использования виде, т.е. подчинение законам поведения⁴.

² Термин «радикальный бихевиоризм» Скиннер и сторонники его подхода не считали удачным, поскольку он допускает ряд некорректных прочтений (предпочтительнее – экспериментальный анализ поведения, функциональный анализ). Такое название направления должно было подчеркнуть его отличия именно от методологического бихевиоризма и необихевиоризма (начиная с Э. Толмена). Тем не менее нередко критики подхода трактуют «радикальность» данного направления иначе, противопоставляя его ментализму, когнитивизму и т.д.

³ Ряд исследователей относят к необихевиоризму и подход Б.Скиннера [Немов, 2007. С. 240], однако очевидно, что подобное отнесение основано на констатации схожих черт, имеющих у различных течений (акцент на научении, законах поведения, операционализм), а не, например, различий по вопросу «промежуточной переменной».

⁴ Что, вопреки расхожему мнению, не означает отрицания ментальных событий в принципе.

В-третьих, свои особенности имеет научная «судьба» теории радикального бихевиоризма и его прикладного компонента. С одной стороны, существует мнение, что претензии на полное объяснение всех форм (человеческого) поведения, которые могли быть у методологического и радикального направлений бихевиоризма, потеряли свою актуальность «...в свете усиливающихся атак с различных сторон и упадка позитивистских догм», при сохранении влияния необихевиоризма в англоговорящих странах (прежде всего, в виде различных версий когнитивно-поведенческой терапии) [Colman, 2015].

С другой стороны, сказанное может быть признано верным в отношении доктрин классического обусловливания, а ситуация с экспериментальным анализом поведения несколько иная. В «онтологической битве» с ментализмом радикальный бихевиоризм уступил⁵, однако значительный эвристический потенциал направления, мощный прикладной базис, а также возможности «модернизации» концептуальной платформы не позволяют заявлять о его упадке.

Сторонники данного подхода объединены в академические сообщества (пусть и достаточно замкнутые), в его рамках существуют различные течения, а в области практического применения он достаточно конкурентоспособен (характерно, что, отвергая саму бихевиоральную методологию, любые менталистские теории не опровергают законы поведения, в большей степени «защищая» свою территорию, чем «нападая» на поведенческую).

В этой связи усиливаются и более комплементарные в отношении радикального бихевиоризма точки зрения. В частности, В. Лефевр предложил логическую схему эволюции бихевиоризма [Лефевр, 2004], включающую пять этапов. На последнем из них автор видит неизбежное слияние с ментализмом в силу эпистемологического предела, к которому подошел бихевиоральный подход, а своего рода вершиной «чистого» бихевиоризма (т.е. четвертым этапом эволюции) он провозглашает именно направление, начало которому положил Б. Скиннер.

Концепт «поведение» в радикальном бихевиоризме. Ключевым понятием рассматриваемого направления является «поведение», понимаемое, как отмечалось выше, особую трактовку, несколько

⁵ В спорах о сущности психического и методах его познания бихевиоризм отступил под воздействием когнитивной революции и современных достижений психофизиологии. Утратило смысл и утверждение о тождестве психики и поведения как объекта психологии.

отличную от, например, понимания принятого в отечественной психологии.

Так, в «Большом психологическом словаре» под поведением понимается «извне наблюдаемая двигательная активность живых существ, включающая моменты неподвижности, исполнительное звено высшего уровня взаимодействия целостного организма с окружающей средой», при этом для поведения характерны целенаправленность, наличие источника (потребности), социальная детерминация (применительно к человеческому поведению), выявление поведенческих единиц (поступки) [Мещеряков, Зинченко. С. 388]. «Психологический словарь» под редакцией Р.С. Немова определяет поведение как «внешне наблюдаемые движения человека или животных, в основе которых лежат или которыми управляют психологические факторы» [Немов, 2007. С. 288]. Авторы указывают, что в широком смысле термин употребляется в различных областях психологии, узкий же смысл отсылает нас к тем формам сознательной активности человека «причины которых известны или принципиально познаваемы» [Там же, С. 289]. Применительно же к бихевиоризму указывается, что любые движения относятся к поведению лишь в случае если они наблюдаемы и объективно измеримы.

Суммируя приведенные положения можно констатировать, что в большинстве случаев поведение человека сложно рассматривать без отсылки к интрапсихическому (цель, мотив, потребность и т. п.), физиологическим факторам и внешней активности, весь вопрос в том, что с этим «делать».

Более «бихевиоральные» трактовки. И. А. Фурманов определяет поведение как «...систему любых (идеальных или реальных) психомоторных актов (действий, поступков); как активность, возникающую при взаимодействии человека и среды и обеспечивающую прямое или не прямое удовлетворение потребности в процессе адаптации» (цит. по: [Фурманов, 2016]).

«Глоссарий психологических терминов» Американской психологической ассоциации дает максимально широкое определение поведения как «активности, посредством которой организм приспосабливается к среде» [Gerrig, Zimbardo, 2002]. Как и в случае с приведенными выше, данное определение достаточно универсально, и в этом смысле применимо к активности любого организма.

В «Словаре психологии» Э. Колмана поведение трактуется как физическая активность организма, включающая как явные телодвижения, так и внутренние физиологические процессы, составляющие

сумму физических реакций организма в его среде [Colman, 2015]. Данное универсальное, «биологическое» определение автор дополняет важной с точки зрения поведенческого подхода оговоркой, что термин также обозначает «конкретные физические реакции организма на определенные стимулы или классы стимулов» [Там же]. Последний момент подготавливает нас к несколько непривычной концептуализации поведения в радикальном бихевиоризме.

Скиннерианский подход. Можно обозначить минимум три специфических требования к дефиниции, которые предъявляет данное течение:

- во-первых, определение должно быть «объективистским» (если угодно, позитивистским), что подразумевает наблюдаемость, измеримость, операциональность (т.е. наблюдаемость и измеряемость входящих в него признаков).

- во-вторых, оно должно быть биологически фундировано (что является еще одним критерием научности и объективности) [O'Donohue, 1992. С.177]. Без данного условия экспериментальный анализ поведения не смог бы избежать важного противоречия: законы поведения – теоретический концепт, радикальный бихевиоризм критикует другие течения за «тягу» к теории. Однако отсылка к «биологии» призвано данное противоречие снять ⁶.

Наконец, определение должно быть функциональным, т.е. быть максимально приложимым к конкретным экспериментальным исследованиям научения и контроля поведения. Иными словами, в идеальном определении не должно быть отсылок к тем параметрам, которыми в данной конкретной ситуации (либо в принципе) управлять нельзя (например, ментальные состояния, некие логические предпосылки и т.п.).

Одно из «эталонных» для радикального бихевиоризма определений является следующее: поведение – «...это любая активность организма, которая чувствительна к принципам поведения, открытым в контролируемых лабораторных условиях, а именно к павловскому и оперантному обусловливанию, привыканию, сенсбилизации, генерализации, дискриминации и т.д. [Палмер, 2013. С. 101–102].

Несмотря на явную контекстуальность подобного понимания, оно имеет определенное методологическое преимущество (помимо соот-

⁶ В том смысле, что законы поведения имеют биологическую природу, объективны, а не формулируются исследователем перед или во время исследования в утилитарных целях.

ветствия трем указанным выше требованиям) – определение не является прескриптивным. Т. е. какую бы активность испытуемого не наблюдал исследователь, он, строго говоря, не должен трактовать ее как поведение до тех пор, пока не выявит указанную Б. Скиннером «чувствительность». А исследование, в данном случае, – это не столько взаимная «подгонка» *заранее* привнесенной гипотезы и данных, сколько старт с «чистого листа».

Исследовательская оптика поведенческого анализа

Дабы закрыть вопрос об «онтологических» противоречиях радикального бихевиоризма и иных направлений психологии (как это нередко трактуется), подчеркнем, что полноценная дискуссия между ними о сути психического как целого по большому счету не проводилась⁷. Речь шла скорее о том, какими данными в познании этого целого можно оперировать и каким образом их можно получить. Ответы на эти вопросы у бихевиоризма и «ментализма» столь специфичны, что можно говорить не столько о различных подходах к одному объекту, сколько о *параллельности* объектов.

1. *Операционализм*. Многие «менталистские» направления психологии имеют дело с той сферой, которая доступна для исследования опосредовано и изучению подлежит не столько она сама, сколько замещающий ее конструкт (в терминологии Н. Смита [Смит, С. 63]). Бихевиоризм принципиально ограничивается переменными, непосредственно наблюдаемыми и измеряемыми. Все необходимое для анализа присутствует здесь, в экспериментальной ситуации. Это своего рода принцип «экономии»: для описания, прогноза и контроля конкретного поведения исследователь не должен нуждаться «в чем-то еще»: данных, которых нет в экспериментальной ситуации, методиках исследования (гипотетических) конструктов, «не присутствующих в ситуации полностью» переменных и т. п. В этой связи, из функциональной трактовки устраняется, например, внутренний, иницирующий поведение агент (к примеру, внутренние побуждающие состояния): «возражение против внутренних состояний заключается не в том, что их нет, а в том, что они несущественны для функционального анализа. Мы не способны объяснить поведение любой системы, оставаясь полностью внутри нее» [Скиннер, 2013. С. 43].

⁷ Подобная дискуссия, строго говоря, возможна, если у оппонентов имеется общий концептуальный базис.

2. *Индуктивизм*. Получить доступ к данным можно двумя путями: либо в «чистых» экспериментальных условиях, в которых до начала эксперимента поведения еще как будто нет; либо в связи с социальным запросом на модификацию поведения. В последнем случае в ситуацию привносится предпосылка, что результативное поведение уже есть, однако его следует изменить. По сути предметом анализа поведения является не «поведение вообще», а «результативное» поведение в контексте научения, модификации и контроля.

Поэтому необязательно начинать анализ с гипотезы (касающейся исследования в целом): ее либо не должно быть (поведение, точнее, его наблюдение, еще не случилось), либо она всегда максимально широкая и одна и та же (нечто наподобие: в ситуации наблюдается поведение, которое подчиняется законам поведения), либо она является частной. Для подтверждения достоверности не нужна выборка в строгом смысле этого слова (когда статистическая значимость компенсирует гипотетичность исследуемых конструкторов). В экспериментальном анализе поведения «выборка» прирастает по мере увеличения числа применения одних и тех же процедур к отдельным испытуемым (в случае исследования вербального поведения, возможно, малых групп).

3. *Редукционизм*. Подобная установка серьезно ограничивает радикальный бихевиоризм как исследовательскую программу, сопоставимую по масштабам, например, с любым когнитивным течением: научный поиск изначально ограничен рамками поведения, он должен быть остановлен в том случае, если все наблюдаемые и измеряемые переменные учтены. Тем самым предметное поле становится узким, чего не может принять подавляющее большинство исследователей. Можно говорить о своего рода эпистемологической ловушке: бихевиорист исследует только наличное поведение, а если ему нужно «что-то еще», он вынужден заимствовать термины извне, занимаясь их адаптацией к своему подходу.

Сама по себе *полная* редукция различных форм психического к поведенческому обладает незначительной ценностью, так как по сути протекает в стиле: «на самом деле эмоции, мышление и т. п. – это тоже поведение». Методологическая экспансия в понятийный аппарат других течений чаще всего приводит лишь к его переинтерпретации без замены исходного значения. И тогда переформулированное понятие остается бихевиоризму, изначальная его трактовка – тому направлению психологии, из которого термин был взят. Благодаря этому бихевиоризм фактически может доказать, что у эмоций, мышле-

ния, целеполагания и т.п. есть поведенческие эквиваленты. Парадокс заключается в том, что с последним утверждением крайне сложно и бессмысленно спорить, однако установке сродни «мышление и есть поведение», т.к. в конкретной ситуации иного я наблюдать не могу, за этим поведением больше ничего не стоит, и это означает, что нам не нужна терминология с отсылками к ненаблюдаемому сейчас» будут следовать лишь единицы⁸, которым и так близок бихевиоральный подход⁹.

При этом радикальный бихевиоризм может предложить не просто поведенческий эквивалент психологического свойства или процесса, а скорее эквивалент функциональный¹⁰. Последний пункт, на наш взгляд, является как раз сильной стороной рассматриваемого течения. Неприемлемость ненаблюдаемых переменных для исследователя совершенно не означает их игнорирования применительно к испытуемому (если субъект отказывается выполнять действие, потому что «люди подумают о нем плохо», то ненаблюдаемое гипотетическое «мнение» людей – важная переменная)¹¹.

3. *Инструментализм*. Отдельный акт объяснения в сильном приближении – процесс, который стремится к своему собственному завершению (исследователь объясняет нечто, дабы не проблематизировать это дальше), однако в масштабах целостного научного исследования предполагается динамика: формулирование научной проблемы порождает неопределенность, которая снимается объяснением, из которого выводятся очередные гипотезы, и так постоянно. Такой путь означал бы ориентацию на корреспондентную теорию истины с ее опорой на соответствие изучаемого реальности и, следовательно,

⁸ Это означало бы необходимость полностью перейти на бихевиоральные позиции. В то же время мотивом, побуждающим многих исследователей, является, вероятно, как раз стремление узнать, «что же за этим стоит».

⁹ Если развить эту мысль, то не стоит удивляться, что поведенческий подход мог столкнуться с агрессивным неприятием ряда представителей академического сообщества, т.к. при описанной стратегии им могло показаться, что другие направления психологии фактически превращаются в «поставщиков терминов» для их «правильной» реинтерпретации в бихевиоризме.

¹⁰ Например, объяснение поведения в определенной ситуации отсылкой к темпераменту подразумевало бы, что темперамент необходимо учитывать и *вне* этого конкретного поведения (как понятие более высокого порядка) и, более того, считать, что именно темперамент поведение *вызывает*. Для радикального бихевиоризма это методологически некорректно.

¹¹ И что важно, исследователь избегает необходимости разделять с субъектом одну и ту же «онтологию», представления о мире. Благодаря этому между ними сохраняется необходимая дистанция.

необходимость учесть возможный максимум факторов (в т. ч. ненаблюдаемых переменных), наличие внеположенных данной исследовательской ситуации критериев истинности, способов «подтверждения» достоверности (выборка, математические процедуры и т. п.).

У радикального бихевиоризма с одной стороны, весьма ограниченный набор средств (в силу специфики концептуального аппарата), позволяющих выносить частное объяснение, полученное в данном исследовании, за рамки данного исследования (т. е. создавать объяснительные теории). Неприятие гипотетико-индуктивного подхода не позволяет ему генерировать неопределенность, придающую эвристический динамизм¹². С другой стороны, в настоящее время направление и позиционируется как прагматическое, опирающееся на инструментальный подход к истине (истинно то, что дает полезный результат).

Функционалистская модель детерминации поведения

В противовес доктрине классического обусловливания радикальный бихевиоризм предлагает свою модель детерминации поведения – модель отбора по последствиям (selection by consequences). В этом случае каузальную ролью наделяется не предшествующий стимул (как при респондентном поведении, $S \rightarrow R$), а последствия. И эта детерминация носит не характер необходимости, а является вероятностной¹³ [Федоров, 2007. С. 23]. И тогда поведение, трактуемое в канве принципа операционализма, именуется оперантным, а модель детерминации включает ряд характерных положений.

Во-первых, согласно функционалистской концепции поведение не *вызывается* каким-либо фактором, а *эмитируется* (emitting) организмом (от лат. emissio – испускание, излучение) [Скиннер, 2017. С. 125]. Поскольку в данном подходе «отсутствуют» драйверы, предшествующие конкретному акту поведения (как ненаблюдаемые, интрапсихические и т. п.), но поведение тем не менее происходит, под-

¹² Особая щепетильность бихевиористского исследования позволяет понять очень многое, но внутри своего предметного поля. Медленный прирост выборки, отсутствие «обобщающих» объяснений сдерживает рост и развитие направления, вызывает его замыкание на само себя. Отсюда и предметная «параллельность» бихевиоризма и иных течений.

¹³ Строго говоря, сторонники данного течения предпочитают вообще избегать употребления каузальной терминологии, ограничиваясь функциональной.

разумеается, что оно происходит в некотором смысле «само по себе» (драйвер – в самом поведении).

В этой связи, во-вторых, поведение можно охарактеризовать только «...с точки зрения наблюдаемых эффектов, которые оно вызывает в окружающей среде» [Gerrig, Zimbardo, 2002].

Наконец, в-третьих, поведение оценивается строго функционально. Функциональная связь (в отличие от каузальной) означает, что одно событие не порождает другое (как в случае респондентного обусловливания). Наоборот, «следствие, изменения в среде, которое производится определенным поведением, одновременно оказывается и причиной того, что впоследствии оно будет встречаться чаще или реже» [Федоров, 2007. С. 24]. Антецедентный (предшествующий) контроль заменяется постцедентным. Иными словами, дело заключается не в том, что у поведения есть причины, а в том, что поведение, производя эффект, становится в некотором смысле своей собственной причиной в дальнейшем. Контроль же поведения заключается в управлении не причиной, а следствием: «разумеется, нельзя предсказать или проконтролировать реакцию, которая уже произошла. Мы можем лишь предсказать, что похожие реакции произойдут в будущем» [Скиннер, 2017. С. 75].

Топология поведения и единица анализа

Использование классической поведенческой формулы $S \rightarrow R$ в радикальном бихевиоризме ограничено рамками т. н. респондентного обусловливания. В гораздо большей степени применяется формула обусловливания по последствиям (оперантного) $R \rightarrow S$, которая обозначает «...базовое двухчленное... отношение происходящего в настоящее время класса действий и последующего класса стимулов» (собственно оперант) [Варгас, 2010. С. 59].

Однако рабочая формула, которой оперирует направление, дополняется третьей переменной – т. н. дискриминативным стимулом. В таком случае формула символически представляется следующим образом: $SD \rightarrow R \rightarrow Srein$, где SD – дискриминативный стимул (антецедент), $Srein$ – подкрепляющий (reinforced) стимул (постцедент).

Необходимо прояснить и уточнить статус дискриминативных стимулов. С одной стороны, они предшествуют реакции (т. е. являются антецедентом). С другой стороны, данный класс стимулов не имеет полноценного каузального статуса (как стимул в классической формуле) и это значит, что:

- во-первых, «стимул не вызывает и не запускает оперантную реакцию. Скорее, реакция «эмитируется» ответ на стимул» [Смит, 2003. С. 172].

- во-вторых, это стимул «...в присутствии которого определенные реакции подкреплялись, а в отсутствие – нет. Вследствие такого дифференцированного подкрепления дискриминативный стимул повышает частоту данных реакций» [Эрц, Жесткова].

В каждой ситуации имеется класс возможных (потенциальных) реакций и класс возможных (потенциальных) последствий. Дискриминативный стимул является не причиной реакции, а «подсказкой» для отбора поведения, повышающего вероятность определенных последствий этих реакций. Тем самым дискриминация влияет на вероятность реакции. *SD* есть условие, при котором реакция сопровождается последующим подкреплением [Скиннер, 2017. С. 125].

Если вспомнить, что одной из задач экспериментального анализа является прогнозирование и контроль поведения, важным является выявление не любых реакций, а прежде всего т. н. *дискриминированных оперантов*, под которым понимается «поведение, которое чаще возникает при одних antecedentных обстоятельствах, чем при других» [Эрц, Жесткова].

Специфика топологии поведения, задачи функционального исследования определяют и то, какой *единицей* оперирует экспериментальный анализ поведения.

Во-первых, как отмечалось, в качестве таковой выступает оперант. Еще раз подчеркнем, что оперант – не единичная реакция, а класс реакций с одинаковыми последствиями¹⁴. Поведенческие ответы могут отличаться по своей форме¹⁵, «но все они - члены одного и того же операнта, поскольку каждый ответ контролируется одинаковыми вероятностями подкрепления» [Лихи, 2003. С. 303]. Таким образом, оперант – это поведение особой топологии, взятое независимо от конкретного контекста (функциональное в различных контекстах). Данный термин показывает, что «поведение «воздействует» (*operates*) на среду, генерируя последствия. Следствия определяют свойства, по которым устанавливается сходство реакций» [Скиннер, 1986. С. 71].

¹⁴ Именно такой подход позволил перейти к изучению действительно сложных форм поведения: массу условно рефлекторных реакций можно объединить в один функциональный класс.

¹⁵ Кошка в «ящике Скиннера» для получения подкрепления может нажать рычаг самыми разными способами, но последствия при этом одинаковы.

Во-вторых, упомянутый класс реакций, производящий определенные последствия, формирует поведенческий репертуар (посредством описанного Скиннером механизма структурирования), т. н. атомарный репертуар – «набор мелкоструктурных единиц поведения, каждая из которых контролируется особым стимулом... Когда такой репертуар установлен, можно вызвать неограниченное число перестановок поведения, просто соответствующим образом переставляя стимулы...» [Палмер, 2013. с.96].

Контингентные отношения

Специфика взаимоотношений переменных формулы оперантного поведения отражается посредством категории «контингентность», под которой понимается «наличие вероятностной временной или функциональной связи между поведением, его antecedентами и последствиями» [Эрц, Жесткова].

Данный термин позволяет сторонникам подхода избежать представления о том, что любое оперантное поведение в силу отсутствия предшествующей причины является спонтанным, эмитированным «в пустоту». В таком случае любые последствия были бы абсолютно неожиданными, что исключило бы возможность прогноза и контроля. Это противоречие можно было бы решить, используя, например, концепт «установка», однако для радикального бихевиоризма такое решение является неподходящим как «менталистское». Утверждение же о вероятностной связи позволяет, с одной стороны, в принципе констатировать наличие такой связи между переменными, а с другой – избежать жестких детерминистских схем¹⁶.

Суть контингентных отношений в системном виде можно выразить следующим образом (в примечании переводчика к статье Э. Варгас): «под контингенцией в бихевиорологии часто понимается вероятное, случайное событие, с которым связано (или, более жестко, от которого зависит) другое явление (как правило, действие). Таким образом, это не просто обстоятельство или условие (как часто этот термин переводится в отечественной психологии), но обстоятельство, взятое в контексте связи, существующей между ним и другим событием (как правило, изменением в поведении). “Контингентный”, таким образом,

¹⁶ Предположим, что идея о вероятностной связи переменных делает данную версию бихевиоризма столь «живучей» в условиях критики, а также дает ей серьезный потенциал для обновления, «отвязывая» поведенческую методологию от позитивистских догм.

также означает не просто “случайный” или “вероятный”, но и “имеющий связь с чем-то другим» [Варгас, 2010. С. 58].

«Контингенция» является одним из самых широко употребляемых в радикальном бихевиоризме понятий, в том числе это касается приведенной выше формулы оперантного поведения. Последнюю можно рассматривать как с т.зр. топологии (в смысле сохранения трехчленной структуры в различных средовых условиях), так и функционально (в смысле вероятностных отношений между переменными)¹⁷. Тем самым понятия «оперант» и «контингенция» становятся основными в модели отбора по последствиям (selection by consequences) [Федоров, 2010, С. 25].

Описанный характер отношений между поведенческими переменными позволяет обозначить *специфику поведения* (как такового):

Во-первых, неправомерно ставить знак равенства между понятиями «поведение» и «поведенческий ответ» (response). Последний является более узким, техническим термином, синонимичным реакции, которая играет важную роль в контингентных отношениях: «Воздействие условий (contingencies) подкрепления, и, следовательно, вероятность подкрепления, влияет на вероятность реагирования. С другой стороны, вероятность реагирования также может повлиять на вероятность подкрепления» [O'Donohue, Noll, 1995. С. 37]. Однако поведение в целом включает все три элемента одновременно.

Во-вторых, деление на четкие поведенческие акты – скорее привнесенная извне конструкция наблюдателя, пусть и часто необходимая: «традиционное объяснение переноса (из одной области поведения в другие. – В. С.) основано на утверждении, что вторая подкрепляемая реакция подкрепляется лишь в той степени, в какой эти реакции «содержат идентичные элементы». Это попытка поддержать представление о единицах поведения. Более полезный способ описания – говорить об укреплении элементов по мере возникновения» [Скиннер, 2017. С. 109–110]. Подкрепление реакции увеличивает вероятность всех реакций, содержащих те же элементы.

Наконец, в-третьих, поведение непрерывно (Б. Скиннер говорит даже о «принципиальной непрерывности, континуальности»). Поведение подчиняется одним и тем же законам, независимо от изучаемого вида [Варгас, 2010. С. 57].

Если же расширить последнее положение, то можно также утверждать, что каждый конкретный акт поведения, происходит потому,

¹⁷ Распространенный термин – «трехчленные контингенции».

что ему предшествовал другой поведенческий акт (факт поведения продуцируется фактом поведения). Разумеется, поведение управляется условиями, однако специфика оперантного обусловливания подразумевает, что любые изменяющиеся условия получают именно поведенческий ответ. Это становится возможным только при учете особой роли постцедентных стимулов (в противовес antecedентам). Вопрос, «если контроль производится после поведения, то чем оно вызывается?» снимается.

Заключение

Завершая рассмотрение принятой в радикальном бихевиоризме трактовки поведения, следует сказать пару слов о способах учета тех критических замечаний, которые она заслужила. Часть критики касается бихевиорологии в целом, некоторые послы адресованы именно скиннерианской ее версии. Многие аргументы противников направления имеют под собой серьезные основания, часть проистекает, скорее, из нежелания разобраться в поведенческой психологии глубоко (в силу ее некоторой концептуальной замкнутости, особой терминологии и весьма специфичной исследовательской оптики). Те, кто заявляет о бихевиористском редукционизме (сведении психического к поведенческому), механицизме (свойственен, скорее, методологическому бихевиоризму), доведенном до крайности объективизме, «зацикленности» экспериментального анализа поведения на элиминации из исследования всего когнитивного, «ментального», интрапсихического, во многом правы. Но при этом вывод о полном крахе подхода, его эвристическом бессилии по меньшей мере наивен.

И все же наличие критических замечаний вынуждает нас кратко обозначать по меньшей мере три возможных стратегии использования наработок указанного течения:

Методологическая экспансия. Стратегия, основанная на противопоставлении радикального бихевиоризма иным (в том числе поведенческим) течениям по критерию научности. Означает позиционирование его в качестве методологии, позволяющей получить наиболее объективные психологические знания (т. е. знания о наблюдаемом и измеряемом поведении), пусть и в ограниченном предметном поле, и в этом смысле, предлагающей одну из наиболее выверенных версий психологической «дисциплинарной онтологии» (специальной науч-

ной картины мира, термин В. Степина [Степин, 1999])¹⁸. С нашей точки зрения данная стратегия себя исчерпала по многим причинам.

«Практика без теории». Радикальный бихевиоризм как направление, представленное в виде ряда коррекционных и экспериментальных методик (например, АВА), может существовать и без глобальных концептуальных «претензий». Такой подход характерен для многих поведенческих аналитиков, либо признавших ограниченность теоретических притязаний течения, либо (чаще) не видящих в таковых смысла. Недостатком такой стратегии является невозможность в полной мере реализовать эвристический потенциал дисциплины, который существует несмотря на критику.

«Гносеология без онтологии». Промежуточная стратегия, которая исключает глобальные претензии на постижение сущности психического и неизбежную в этой связи конкуренцию с иными (прежде всего, когнитивными) направлениями, однако позволяет использовать богатый исследовательский инструментарий в рамках, ограниченных изучением и контролем поведения.

Список литературы

Большой психологический словарь / Сост. и общ.ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.

Варгас Э. А. «Вербальное поведение» Б. Ф. Скиннера: Введение // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2010. Том 4, выпуск 2. С. 56–78.

Вильянуэва Э. Что такое психологические свойства? Метафизика психологии. М.:Идея-пресс, 2006. 256 с.

Лефевр В. А. Ментализм и бихевиоризм: слияние? // Психологический журнал. 2004. Том 25. № 2. С. 116–127.

Лихи Т. История современной психологии. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003. 448 с.

Палмер Д. С. Концептуальные основы бихевиоризма Скиннера // Вестник НГУ. Психология. 2013. Том 7. Выпуск 2. С. 90–113.

Немов Р. С. Психологический словарь. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. 560 с.

Русско-английский словарь терминов и определений прикладного анализа поведения / сост. Ю. Эрц, Е. Жесткова // АВА. Теория и прак-

¹⁸ Согласимся с Э.Вильянуэвой в том, бихевиоризму свойственен некоторый «онтологический аскетизм» [Вильянуэва, 2006. С.78]. Однако укажем, что помимо концепта «поведение», онтологическая нагрузка присуща также поведенческим законам (в том смысле, что они «есть»).

тика. [Электронный ресурс]. – URL: <http://aba-kurs.com/glossary/> (дата обращения 20.03.2017).

Скиннер Б. Ф. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986. С. 60–95.

Скиннер Б. Ф. Наука и человеческое поведение; пер. с англ. А. А. Федорова, А. И. Васильева. Новосибирск, 2017. 517 с.

Смит, Н. В. Современные системы психологии. Пер. с англ. под общ. ред. А. А. Алексева. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.

Степин В. С. Теоретическое знание. М., 1999. 472 с.

Федоров А. А. Категория причинности в радикальном бихевиоризме // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2007. Том 1, выпуск 1. С. 20–25.

Федоров, А. А. Эволюция единиц анализа поведения в бихевиоризме: Уотсон, Кантор, Скиннер // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2010. Том 4, выпуск 1. С. 19–27.

Фурманов И. А. Генезис расстройств поведения и приспособительных реакций: аффективно–динамическая модель агрессии // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2016. N 4(39) [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения 20.03.2017).

Colman A. M. A Dictionary of Psychology (4 ed.) / Andrew M. Colman. - Oxford University Press, 2015 // Oxford Reference [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199657681.001.0001/acref-9780199657681-e-948?rskey=t3m4Pz&result=976>. (дата обращения 20.03.2017).

Glossary of Psychological Terms / From Gerrig, Richard J. & Philip G. Zimbardo. Psychology And Life, /e. Published by Allyn and Bacon, Boston, MA. Copyright (c) 2002 by Pearson Education // American Psychological Association [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.apa.org/research/action/glossary.aspx?tab=2>. (дата обращения 20.03.2017).

Leigland, Sam. On the Relation Between Radical Behaviorism and the Science of Verbal Behavior // The Analysis of Verbal Behavior. - 1989, №7. – pp. 25 – 41.

O'Donohue W. Noll J.P. Is behaviorism false because there is no such thing as conditioning? Popper and Skinner on learning // New Ideas in Psychol. 1995. Vol. 13, No. 1, pp. 29–41.

O'Donohue, W. Philosophical and Psychological Epistemologies in Behaviorism and Behavior Therapy // Behavior therapy 1992 № 23. pp.173–194.

Vaughan, M. Rule-Governed Behavior in Behavior Analysis // Rule-Governed Behavior: Cognition, Contingencies, and Instructional Control /edited by Steven C. Hayes. New York and London: Plenum Press, 1989. pp. 97–118.

Материал поступил в редколлегию 15.05.2017

V. N. Sergeev

*University of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations
of the Republic of Belarus
25 Mashinostroiteley Str., Minsk, 220118, Republic of Belarus*

v.n.sergeev@gmail.com

THE CONCEPT “BEHAVIOR” AND ITS OBJECTIFICATION IN RADICAL BEHAVIORISTIC APPROACH

The article is dedicated to the problem of behavior which is shown in such a field of behavior sciences as radical behaviorism. Inquiries presented to the definition (objectivity, functionalism), the specificity of behavior research, the pattern of its determination and other issues are discussed. The formula of operational behavior is described, the variables are analyzed. A lot of attention is paid to specificity of variables correlation and namely to the concept of contingency. The general conclusion about the role and the place of radical behavioristic approach in modern Psychology and its possible prospects are made.

Keywords: radical behaviorism, behavior, operant, contingency, discriminative stimulus, behavior determination.